

Особенности современной русской звучащей речи

Л.В. Златоустова,
доктор филологических наук, профессор

В современном мире с его убыстрением темпа жизни увеличивается и темп речи. Если ещё 50 лет назад среднестатистическое время составляло около 90 мс, то сегодня, особенно у молодого поколения, оно составляет 50–60 мс. Тенденция к ускорению темпа прослеживается в ряде языков индоевропейской группы. Безусловно, живой язык, испытывая социальные изменения в процессе своего развития, ориентируется и использует собственные языковые средства.

В зависимости от строя языка, его принадлежности к той или иной языковой группе, способности, прежде всего, компрессии речи изменчивы. В рамках индоевропейских языков такими средствами являются сокращение числа фонем, видоизменение дифтонгов, вплоть до монофтонгов в отдельных позициях. Так, в современном французском языке фонологическая оппозиция широкого и узкого [e] практически не наблюдается, даже в замедленном, ораторском стиле (анализу подвергались речи Ш. Де Голля и Н. Саркози). В немецком языке сокращение нисходящей части дифтонга стало типичным. В ряде случаев дифтонг реализуется как монофтонг; в английском наблюдается сокращение употребления артиклей, хотя в данном случае необходимо учитывать жанровую принадлежность речевого произведения: например, в научной речи такое сокращение максимально. Известную роль в наблюдаемом процессе имеет и сознательное стремление в публичных выступлениях к демократизации речи, к усилению её воздействия на широкие массы слушателей.

В данной работе пойдёт речь преимущественно о тех изменениях в звучащей русской речи, которые сегодня не воспринимаются как отклонения от орфоэпической нормы и часто не замечаются слушателем. Тотальным явлением (не только для России) является урбанизация. Результат её — влияние диалектных фонем на литературное произношение, что характерно для суперсегментальной сферы речи и частично сегментальной, которая в большинстве случаев продиктована суперсегментными моделями речи, а также внутренними процессами развития языка.

Процесс падения редуцированных гласных, начавшийся в XII веке, продолжается особенно интенсивно с середины XX века и по сегодняшний день.

Сильная редукция гласных в среднерусских говорах отразилась на произношении москвичей нашего века. Этого явления не наблюдается в языке петербуржцев, ибо Санкт-Петербург испытывал и испытывает влияние севернорусских диалектов без редукции или со слабой редукцией. В связи с этим интересны интернет-тексты, где обсуждается вопрос о том, чьё произношение лучше — московское или петербургское. Верна ли такая

постановка вопроса? Вряд ли. Но, несомненно, имеющееся различие представляет интерес при исследовании современной звучащей речи. С этой целью кратко остановимся на сопоставлении ритмической организации фонетического слова в сравниваемых произносительных вариантах. Для московского варианта типично следующее: гласный [а] первого предударного слога в позиции перед узким гласным часто превышает ударные по длительности, может быть равен ему, либо незначительно короче — коэффициент 1,15. Разумеется, в этом процессе имеют значение и такие факторы, как открытый или прикрытый первый предударный слог, количество слогов в слове, качество правого и левого окружения предударного и ударного гласных.

Иные значения слог имеет при узком предударном и широком ударном, где предударный всегда короче ударного: коэффициент 1,87–2,2. Вместе с тем, сказанное не меняет типа ритмической модели фонетических слов; однозначное восприятие даже псевдослов обеспечивается совокупностью правил, усвоенных и переведённых в полный автоматизм, так же как набор типичных моделей значимых фонетических слов или ритмических структур. Эти правила для русской речи сводятся к бессознательному принятию решения о месте ударения на основании речевого опыта, т.е. с детства носителем языка усваивается небольшая система моделей фонетических слов — в пределах 20, причём частотных ещё меньше; в случаях совпадения предударных и ударных по времени, а часто и по качественным характеристикам, принимается решение в пользу второго слога, т.к. в противном случае первый заударный был бы редуцирован как представитель позиции максимальной редукции. Разумеется, имеет большое значение и знание лексемы, её смысла. Хотя многократно проведённые эксперименты по восприятию псевдотекстов давали устойчивое значение по верному определению границ слов и месте ударения. В проведении эксперимента аудиторами были студенты-филологи 1 курса до прослушивания предмета «Русская фонетика». Записано в течение четырёх лет 115 аудиторов с общим результатом правильности опознавания 98%. Близкие результаты показали подготовленные аудиторы с той же инструкцией — прослушать текст, где слова внутри синтагм не были разделены паузами. Инструкция предписывала псевдословоформы разделить пробелами, как в орфографическом написании, поставить знак словесного ударения. Но второй эксперимент проводился при прослушивании псевдотекстов на болгарском, английском, немецком языках. Для указанных языков результаты были выше 90%.

Сказанное говорит об устойчивости структурированности фонетических слов.

Приводимый ниже график частотности употребления ритмических моделей слово показывает близость частотных моделей в группе индоевропейских языков со значительным отличием от них в языке алтайской группы.

График 1 показывает частотное распределение ритмических моделей фонетических слов, иначе ритмических структур (РС), где по вертикали указаны %, по горизонтали — РС. В числителе дано количество слогов, в знаменателе — место ударения.

Несомненно, частотность встречаемости типа РС зависит от жанра текста, его целевой направленности, спонтанности речепорождения или чтения сформированного написанного текста.

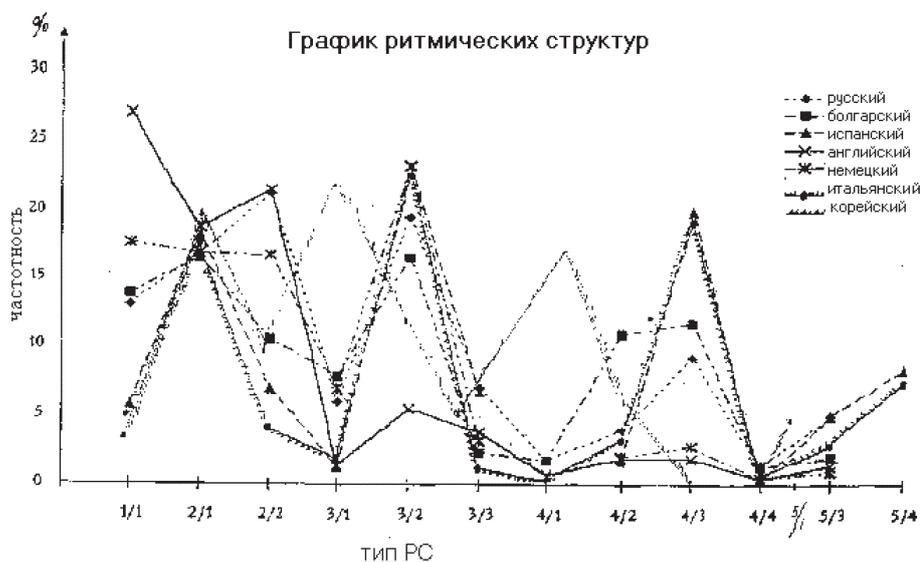

График 1.

Ритмическая структура фонетического слова достаточно устойчива, хотя и подвергается определённой деформации, в зависимости от степени эмоциональности произнесения, степени выраженности фразовых выделительных акцентов, частотности встречаемости той или иной лексемы и грамматической принадлежности, места в высказывании.

Необходимость обращения к структурированности диктуется определением слабых и сильных частей слов по отношению к реализации гласных. В современной речи типично произнесение глухих редуцированных гласных как следствие компрессии и практически утраты их фонологической значимости. Однако встаёт вопрос: почему они сохраняют себя в глухом варианте? С большой долей уверенности можно сказать — для сохранения ритмической модели слова. Например, в двусложных словах между глухими смычными согласными в научной публицистической речи частотно употребление глухого [ъ] в словах [ропът], [топът], [опът]. Причём глухой гласный имеет достаточно большую длительность: 50–60 мс, в зависимости от индивидуального темпа говорящего и объёма синтагмы.

Все приводимые рисунки являются широкополосными динамическими спектрограммами, выполненными в среде Windows, с помощью программы Speech Analyzer.

На рис. 1 представлен первый заударный глухой гласный в слове «ропот» [ропът].

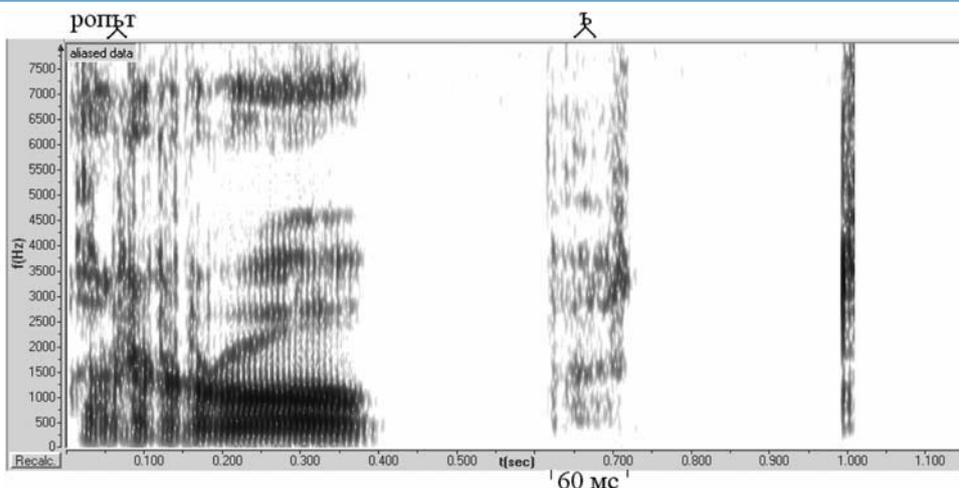
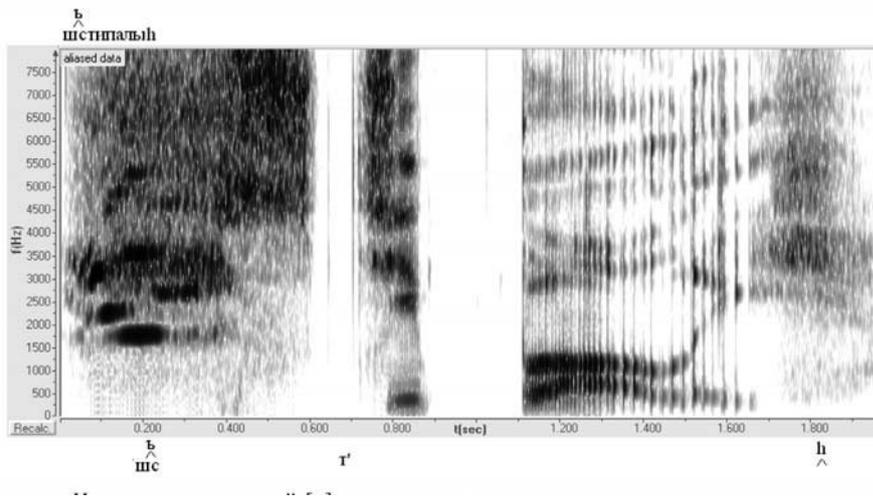

Рис. 1

Не менее интересны случаи «встраивания» глухих редуцированных звуков в согласные, прежде всего глухие щелевые, т.е. гласный реализуется одновременно с артикуляцией согласного. В приведённом ниже *рис. 2* глухой редуцированный гласный имеет три форманты: F2, F3, F4, но они выше нормативных значений.

На *рисунке 2* показан встроенный глухой гласный [ь], а также конечный согласный глухой [γ].

Рис. 2

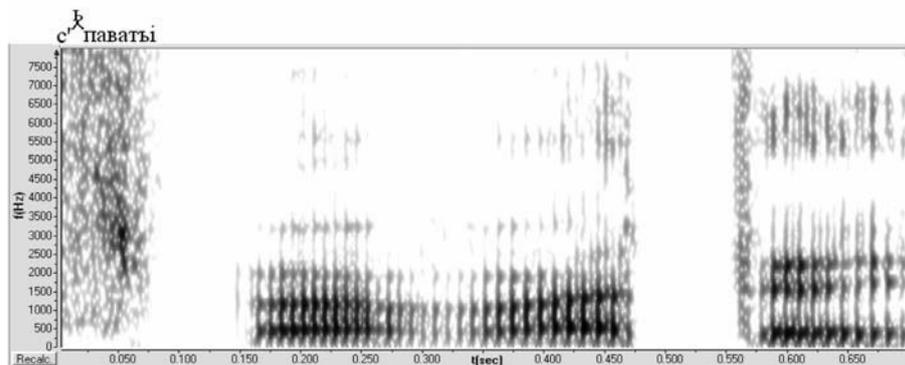

Длительность «встроенного» гласного также больше по сравнению со звонким редуцированным. Спектрограмма слова [шьст'ипальγ] включает частотный случай оглушения второго компонента дифтонга [ь]. В концепции автора статьи все случаи реализации согласного [j], как гласного неслогового на основании спектрального анализа считаются элементами нисходящего дифтонга: под ударением [ai], [oi], [yi], в неударных позициях: [ь], [ь]. Например: майский маіський, мої, рої, дуї, красивьї, синиї и т.д.

Известно, что гласный [и] верхнего подъёма редуцируется, и примеров тому много. Но он редуцируется и в глухой вариант, в позиции между глухими щелевыми согласными, хотя имеются случаи редукции и между смычными глухими, например: [п'ьт'ир'им], [с'ьпаватыї] (Питирим, сиповатый).

Аналогично редуцируется этимологический [а]: [п'ьтачок], [п'ьтил'етка]. На *рис. 3* дана спектрограмма слова сиповатый [с' паватыї] с глухим редуцированным [и].

Рис. 3

На [рис. 4](#) показан «встроенный» редуцированный [ь] на месте этимологического [а], в позиции после мягких согласных.

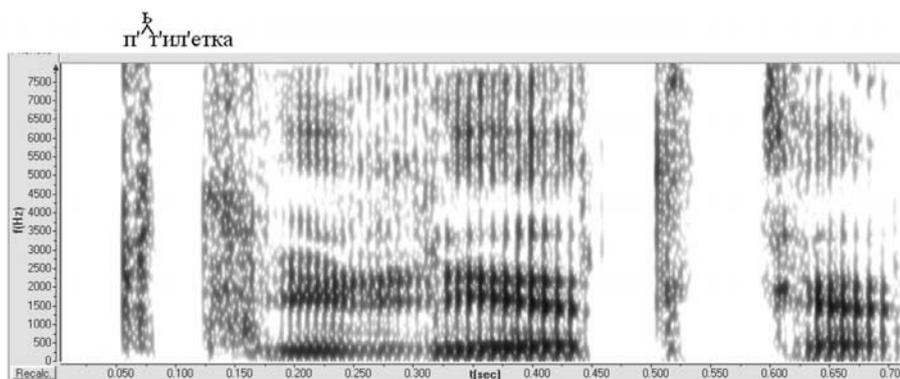

Рис. 4

Наиболее часты случаи реализации встроенных редуцированных, как и представленного на [рисунке 1](#), в позиции между глухими щелевыми и аффрикатами. Характерно, что такого рода редукция охватывает не только гласные позиций второго, третьего предударных слогов, но и первого предударного, например: [ч'ьстотны], [с'ьстр'ич'ка], частотный, сестричка ([рис.5](#)).

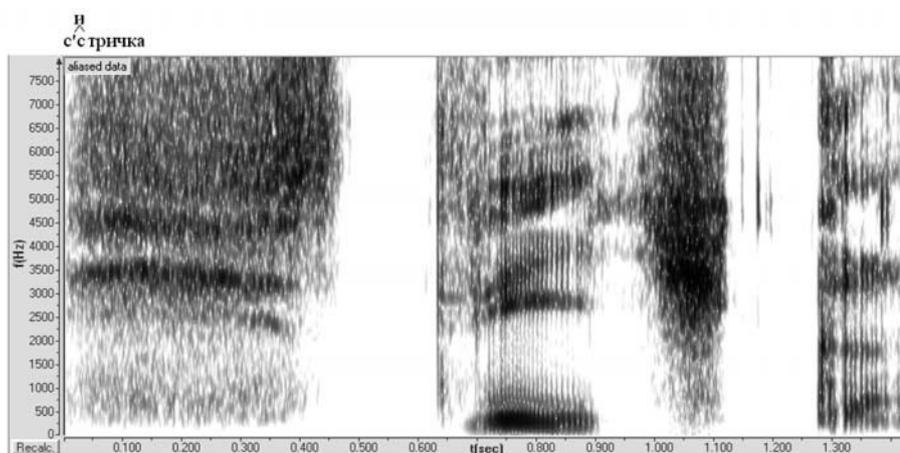

Рис. 5

Весьма типично употребление в разных жанрах квазиспонтанной речи усечения лексемы «человек» до формы [ч'ьк]. Такая усечённая лексема оказывается энклитикой, например: этот [ч'ьк] сказал, хороший [ч'ьк] был. Возможна производная форма [ч'ьлк]. Реже у людей с нормативной речью в деловой и научной публичной речи встречается форма [ч'ьк] в начале высказывания ([ч'ьг] был). Кроме частотности употребления лексемы, человек имеет значение и формирование типичной ритмической модели слова ([ч'ьк] был — структура 2/2. В качестве примера приводим широкополосную спектрограмму [эт'ьт ч'ьк] взял чек ([рис. 6](#)).

Как показано на рисунке, при усечении слова [ч'ьк] редуцированный переднего ряда [ь] имеет три форманты, но при кратком времени, по сравнению со словом «чек», где [е] характеризуется как гласный полного образования.

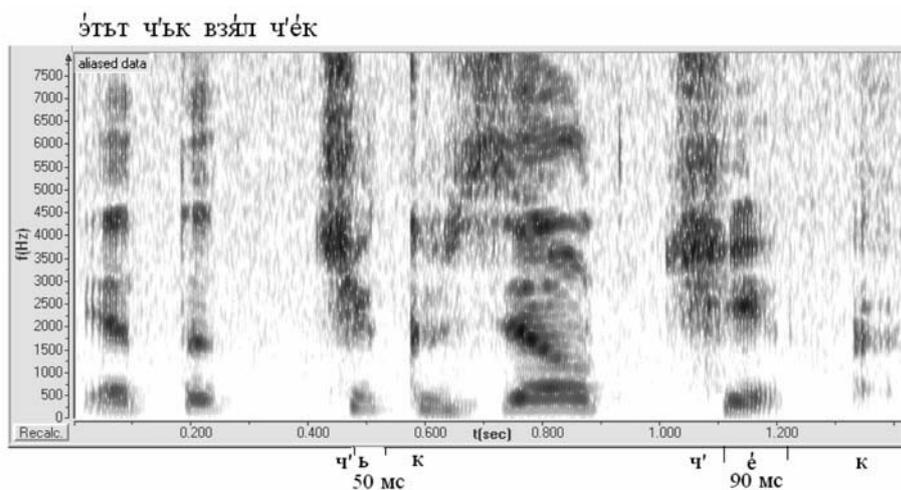

Рис. 6

По наблюдениям Л.В. Щербы и М.И. Матусевич, уже в середине XX века сонанты оглушались в позиции после глухих шумных согласных. Причём не всегда обращалось внимание на то, что в конце слов, стечения [пр', пл'] включают после глухих шумных согласных, перед сонантом и оглушённый гласный. В связи с анализом данной позиции встает вопрос о слогаобразующей функции сонантов. Несмотря на спорность утверждения о том, что в рассматриваемой позиции дополнительный слог появляется только при наличии глухого гласного, и именно он образует слог, в нашем представлении обсуждаемого эффекта дело обстоит именно так. При отсутствии глухого гласного двусложность таких слов, как *вепр'*, *вопл'* отсутствует, однако часто редуцированный имеет место.

На *рис. 7* представлено слово *в'епър'* как двусложное.

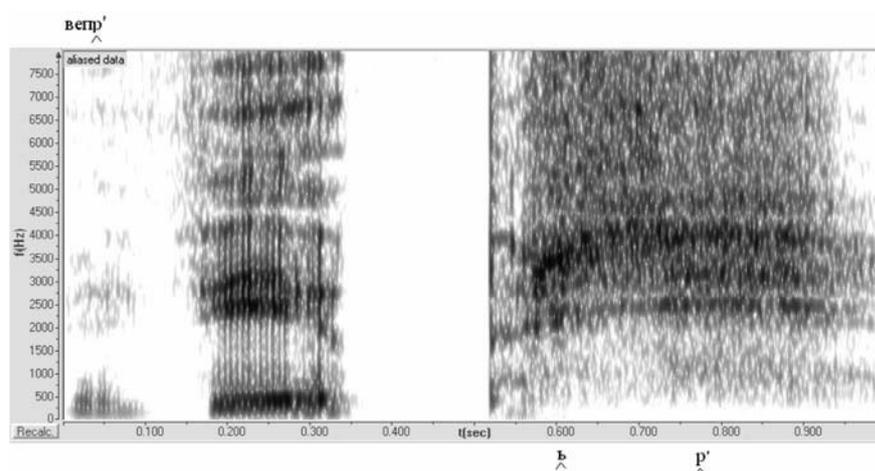

Рис. 7

Возвращаясь к случаям усечения (компрессирования) словоформ отметим частотность числительного *сколько*, произносимого как *скокь*, или произнесение *ч'ьт* вместо *чёрт*, обычно оно наблюдается в относительно устойчивых словосочетаниях, как: *чёрт его знает [ч'ьтыво] знает*.

На *рисунке 8* дана спектрограмма рассматриваемых словоформ.

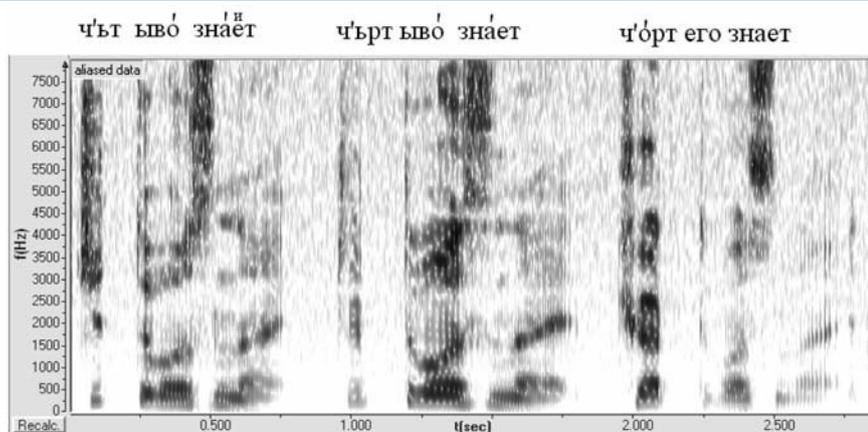

Рис. 8

Примером усечения гласных может служить форма эд;а вместо это да. Обычно реализовано в эмоционально окрашенном восклицании в типичной модели РС 2/2.

Современный процесс компрессии осуществляется параллельно с процессом развития русского языка в сторону аналитизма, что особенно заметно в таких процессах, как значительное увеличение словосложения как способа словообразования, унификация флексий, особенно имён прилагательных. Этот процесс весьма характерен в таких формах произнесения, как унификация падежей именительного и родительного в приводимых примерах: море сияет — мор[ъ] сияет (рис. 9); моря сияющего нет (рис. 9а).

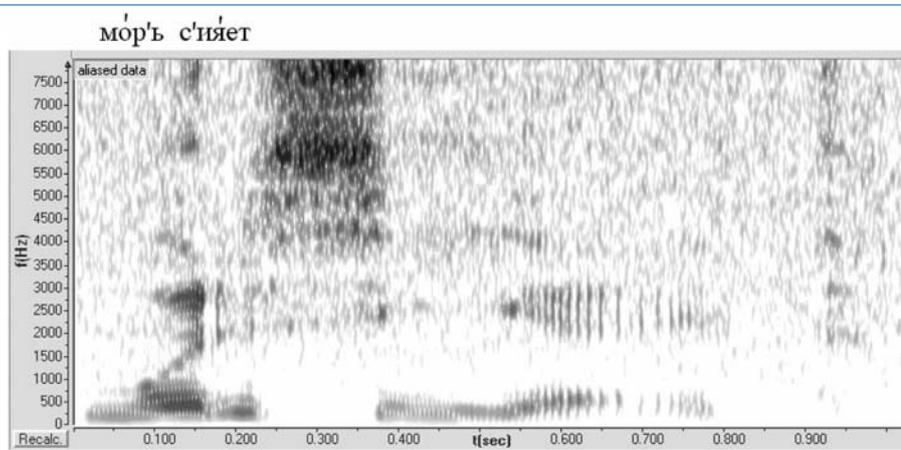

Рис. 9

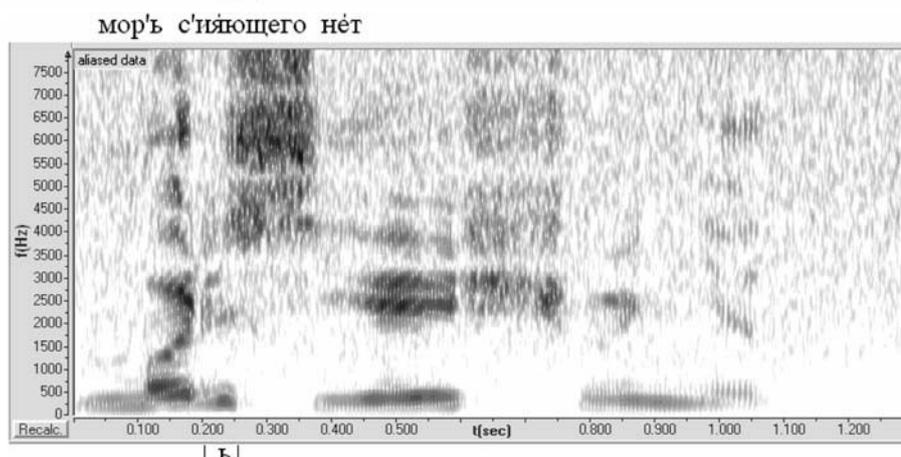

Рис. 9(a)

Унификация единственного и множественного числа в формах прилагательных: синяя лента — [с'ин'ьэ] лента, синие ленты — [с'ин'ьэ] ленты показана на рис.10.

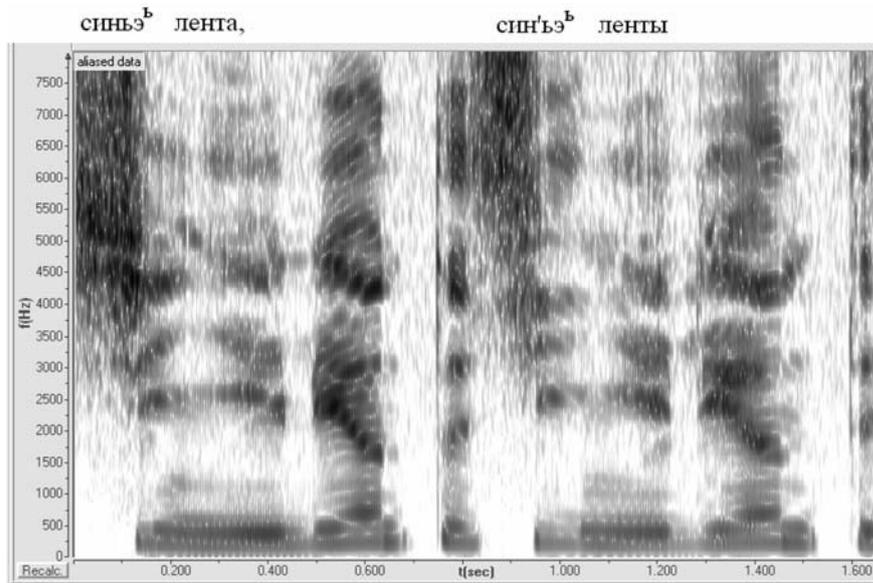

Рис. 10

Значительный интерес представляет изменение места ударения, что также часто обусловлено компрессией. Однако этот вопрос является предметом отдельного исследования, хотя и связан с настоящим.

Литература

1. Русская грамматика. Т.1. АН СССР. 1953 г.
2. Zlatoustova L.V. Rhythmic Structure Types in Russian Speech. Auditory Analysis and Perception of Speech. 1975. London. New York. San Fransisco. P. 477–485.
3. Златоустова Л.В. «Наступление» диалектной фонетики на орфоэпическую норму русской речи. Сб. Фонетика сегодня. М., 2007. Стр. 67–70.
4. Кривнова О.Ф. Реализация словесного ударения в связном тексте. С. Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера. Санкт-Петербург, 2004. Стр. 150-155.
5. Кодзасов С.В. Комбинаторные методы в фонологии. Д/д. М., 2001.
6. Зубкова Л.Г. Фонологическая типология слова. М., 1990.
7. Horga Damir. Obrada fonetskih obavijesti. Zagreb, 1996.

Златоустова Любовь Владимировна

заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, член Международной комиссии по фонетике и фонологии, член президиума Российского акустического общества, действительный член Международной академии информатизации (президент отделения), действительный член Академии безопасности обороны и правопорядка.